
А. А. РОМАНЧУК

**ЛЕКСИКОСТАТИСТИКА
И ПРАСЛАВЯНСКИЙ ЯЗЫК:
К АНАЛИЗУ БАЗОВОЙ
ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ***

В статье ставится и рассматривается проблема соответствия историко-археологическим и языковым данным базовой теоретической модели не только лексикостатистических исследований, но и современной славистики в целом. Согласно этой теоретической модели, эволюция праславянской языковой общности представляла собой процесс линейного распада праязыка на ветви и, далее, отдельные языки. Как показывает анализ, эта теоретическая модель плохо соответствует как историко-археологическим, так и языковым данным. Эволюция праславянской этноязыковой общности, с самого начала представляющей собой диалектный континуум, и вплоть до возникновения современных славянских языков – это процесс весьма сложных и нелинейных взаимодействий составляющих его групп (и, соответственно, их диалектов), «сложных перегруппировок».

Ключевые слова: праславянский язык, лексикостатистика, история, археология, эволюция, диалектный континуум.

Предварим начало нижеследующих рассуждений пояснением о том, что в данной статье развиваются подробнее идеи и выводы

* Работа выполнена в рамках проекта «Исследование и оценка архитектурно-этнографического, археологического и художественного культурного наследия Республики Молдова в контексте европейской интеграции» (Код: 170101) (Suprogramul de cercetare (2024–2027). 170101. Cercetarea și valorificarea patrimoniului cultural construit, etnografic, arheologic și artistic din Republica Moldova în contextul integrării europene), финансируемого в рамках Государственной Программы Республики Молдова (2024–2027 гг.).

Для цитирования: Романчук, А. А. 2026. Лексикостатистика и праславянский язык: к анализу базовой теоретической модели. *История и современность* 1: 89–100. DOI: 10.30884/iis/2026.01.04.

For citation: Romanchuk, A. A. 2026. Lexicostatistics and the Proto-Slavic Language: Towards an Analysis of the Basic Theoretical Model. *Istoriya i sovremennost'* = *History and Modernity* 1: 89–100 (in Russian). DOI: 10.30884/iis/2026.01.04.

История и современность, № 1, март 2026 89–100

DOI: 10.30884/iis/2026.01.04

одного из разделов вышедшей недавно работы (Романчук 2025б: 392–393). Они ранее были также представлены в докладе (Он же 2025а) для Всероссийского конгресса славистов (16–17 декабря 2025 г., Москва, Институт славяноведения РАН).

Сразу заметим также, что в задачи статьи не входит обзор вышедших в последние годы работ, использующих методы лексико-статистики для датирования распада праславянского языка (и в целом его эволюции). Поскольку, хотя работ такого рода в последние годы появилось сравнительно немного, комментировать их здесь нет ни возможности, ни необходимости. В этом отношении задача, которую ставит перед собой данное исследование, гораздо уже. А именно, используя в качестве отправной точки одну из наиболее известных и пользующихся общим признанием работ такого рода, постараться показать, как в капле воды, одну фундаментальную проблему. Проблему, которая, как кажется, так или иначе является общей для этих работ.

И в качестве такой отправной точки предлагается использовать получившее широкое признание (и действительно очень интересное) исследование А. С. Касьяна (совместная работа с А. В. Дыбо [Kassian, Dybo 2015], представляющее часть обширного междисциплинарного проекта [Kushniarevich *et al.* 2015]). Помимо прочего, еще одним побудительным мотивом к выбору именно этой работы служит то, что А. С. Касьян также провел анализ некоторых других из числа вышедших в последние годы лексикостатистических исследований, касающихся праславянского языка. И, заметим, этот анализ привел его к достаточно критической оценке их корректности и достоверности полученных результатов. В целом – вполне справедливой оценке.

Итак, А. С. Касьян (в совместной работе с А. В. Дыбо [Kassian, Dybo 2015], представляющей часть обширного междисциплинарного проекта [Kushniarevich *et al.* 2015]), пришел к следующим результатам для праславянского языка: «...диалектное разделение на три ветви (западную, восточную, южную) в самом начале 1-го тыс. н. э.; диалектные разделения внутри каждой из ветвей в середине 1-го тыс. н. э. (так называемая славянизация Европы)» (Касьян 2024: 780, прим. 1; Kassian 2023).

При этом, отдельно стоит добавить, А. С. Касьян и А. В. Дыбо вынуждены были исключить из анализа словенский язык – в силу того, что он, относясь к южнославянским, демонстрирует и чрез-

вычайную близость к западнославянским. Что «вносит во входную матрицу достаточно несовместимых значений и делает вычисление надежных деревьев невозможным» (Kassian, Dybo 2015: 19).

Сразу заметим, что такой методологический прием не представляется корректным.

Безусловно понимая возникшие затруднения, все же полагаем, что, если для их разрешения последовательно прибегать к устранению не укладывающихся в модель данных, в итоге можно оказаться в ситуации, когда полученные таким образом результаты не будут отражать никакую объективную реальность.

Гораздо существеннее, однако, другое.

Как можно видеть, и совместная работа А. С. Касьяна и А. В. Дыбо, и критически рассмотренные А. С. Касьяном некоторые другие лексикостатистические исследования такого рода, различаясь в частных вопросах и полученных результатах, тем не менее рассматривают эволюцию праславянской языковой общности как процесс линейного распада праязыка на ветви и, далее, отдельные языки. То есть фактически исходят из одной общей и первичной теоретической презумпции. Презумпции о формировании современных славянских языков в результате линейной дивергенции праславянского языка (либо сначала на три ветви и, далее, на отдельные языки – либо же предполагая иные варианты дивергенции, но в конечном итоге – все же именно линейной дивергенции).

Между тем анализ историко-археологических и языковых данных приводит, как кажется, к необходимости поставить вопрос: насколько вообще эта презумпция верна?

Во всяком случае, насколько можно видеть, процесс эволюции праславянской языковой общности, завершившийся формированием современных славянских языков (и трех их групп), имел существенно более сложный и нелинейный характер. И в принципе не укладывается в модель линейного распада праязыка – будь то на три ветви либо же отдельные языки.

Начнем с того, что как по языковым, так и по историко-археологическим данным на сегодняшний день явно, что все три ветви современных славянских языков представляют собой результат конвергенции первоначально отличающихся праславянских диалектов. Это, в частности, специально подчеркивал А. А. Зализняк в связи с древненовгородским и древнепсковским диалектами (Зализняк 2004: 57).

Более того, даже подгруппы языков внутри трех славянских ветвей (и даже многие отдельные языки) тоже явно сформировались в результате именно конвергентных процессов. Так, «исторически, видимо, верхнелужицкие диалекты были ближе к чешско-словацкой, а нижнелужицкие – к лехитской подгруппе, но конвергентные процессы привели к их относительной языковой общности» (Супрун, Скорвид 2005: 14). Что, сразу заметим, полностью соответствует историко-археологическим данным – согласно которым одним из компонентов формирования лужицких сорбов стали славянские группы, пришедшие со Среднего Дуная. В свете историко-археологических данных этот процесс выглядит даже более сложным, более многокомпонентным, нежели только по языковым данным.

Представляется также совершенно справедливой (и это еще один принципиальный и очень важный момент) оценка Г. А. Хабургаева (и не только его), согласно которой даже применительно к VI–VIII вв. говорить о формировании трех ветвей славянских языков еще не приходится: «Восточно-/геср. западнославянские языковые особенности в основном формировались в более позднее время. ... Речь идет о периоде, когда никаких “западных” и “восточных” славян еще не было...» (Кудрявцев 2000: 67). Поэтому попытки использовать для этого времени, и тем более для первой половины 1-го тыс. н. э., термины «восточнославянский» или «западнославянский» – представляют собой, думается, очевидный анахронизм и по определению некорректны.

Период VI–VIII вв. для Славии – это еще период масштабных и разнонаправленных миграций. В том числе фиксируются обратные миграционные потоки населения (и не только славянского) со Среднего Дуная в Центральную и Восточную Европу, – что было вызвано резкими, можно сказать даже – катастрофическими военно-политическими потрясениями на Среднем Дунае в этот период (в особенности – гибелью державы авар).

Далее, середина 1-го тыс. н. э., безусловно, стала рубежным этапом в процессе «славянизации Европы», началом «великого славянского расселения». Хотя сама эта славянизация, как на сегодняшний день уже очевидно, началась (в виде своего рода «ползучей миграции», скрытой от глаз письменных источников) гораздо раньше. На основании археологических данных можно говорить о первоначальном проникновении связанных с культурами славянского

круга этнических групп в Среднее Подунавье, на римский лimes, уже в III в. н. э.: «На территории Бачки и Баната жили лимиганты (часть характерных для них построек и лепной керамики имеют аналогии в восточноевропейских культурах славянского круга, в том числе в киевской культуре)...» (Гавритухин, Янкович 2023).

Важно, однако, подчеркнуть, что и «великое славянское расселение» представляло собой отнюдь не линейный процесс простого «изменения геолокации» теми или иными праславянскими диалектами. Нет, в процессе этого «великого славянского расселения» одновременно происходили и мощнейшие процессы смешения различных праславянских этнических групп – и, надо полагать, распада старых и формирования новых праславянских диалектов.

Очень наглядной иллюстрацией этих процессов может служить история этнонима «сербы». Поскольку этот этноним, «сербы» (и, соответственно, маркированные им славянские этнические группы), добрался из Северного Причерноморья на Средний Дунай, а оттуда – до Верхней Саксонии и Бранденбурга (нынешнего региона проживания лужицких сорбов) и далее – на юго-восточное побережье Балтийского моря, до Гданьска (можно предположить, что маркируемые им группы приняли участие и в этногенезе словинцев и кашубов). Археологически процесс продвижения славянских групп со Среднего Дуная в междуречье Эльбы и Заале улавливается в возникновении рюсенской культуры в начале VII в. н. э. – надежно идентифицируемой с сорбами.

Что касается возникшего у А. С. Касьяна и А. В. Дыбо затруднения со словенским языком, то оно очевидно порождено именно избранной ими теоретической моделью «стартового разделения праславянского языка в процессе распада на три ветви» – в которую словенский язык, что естественно, и не вписывается. На самом деле, как следует из историко-археологических данных (и в полном соответствии с лингвистическими – цитируемыми самими А. С. Касьяном и А. В. Дыбо), та группа славян, которая стала предком носителей словенского языка, – это результат ранней миграции в Приальпийскую зону из ареала пражской культуры (будущего западнославянского). И для начальной поры раннего Средневековья археологи рассматривают территорию Словении как относящуюся именно к западнославянскому ареалу – и даже вплоть до X в. включительно, когда на территориях от Штирии и Каринтии до Венгрии и Западной Трансильвании формируется полиэтничная

археологическая культура Бьело Брдо (Рябцева, Рабинович 2018: 430). Последняя «возникла в результате культурного симбиоза западных славян и венгров» (Там же: 455).

То, что словенский язык сегодня относят к южнославянским, – это, по всей видимости, результат уже последующих конвергентных процессов в рамках балканского ареала.

Продолжая ретроспективный анализ, обратимся к еще одному хронологическому рубежу, обозначенному А. С. Касьяном и А. В. Дыбо, – I в. н. э. Формально этот рубеж совпадает с распадом зарубинецкой культуры – и, казалось бы, такое совпадение может трактоваться как свидетельство верности предлагаемого ими сценария.

Однако углубление в историко-археологические данные рисует нам радикально отличную (от предлагаемого ими сценария) картину происходивших в это время событий. Кризис зарубинецкой культуры произошел в виде распада ее на множество мелких групп. И, далее, весьма разнонаправленных, можно даже сказать – хаотичных, «броуновских» миграций этих групп и возникновения в результате этих миграций новых, тоже достаточно многочисленных, группировок¹. М. Б. Щукин для характеристики этих событий использовал выражение «разбегающиеся под сарматской угрозой носители культуры постзарубинецких групп» (Щукин 1997: 142). А. М. Обломский же – «сложная перегруппировка позднезарубинецких племен», в результате которой и последующего нового синтеза существенно позже, уже в III в., возникает киевская культура (Обломский 2016а). В эти миграционные процессы были достаточно широко вовлечены и носители иных археологических культур, в первую очередь – культуры поздней штрихованной керамики (КПШК).

Увидеть в этой мешанине множества мелких групп «разделение праславянского языка на три ветви» – на наш взгляд, попросту невозможно.

Итак, как можно видеть, выводы исследования А. С. Касьяна и А. В. Дыбо на самом деле плохо согласуются с историко-археологическими данными.

¹ Основные группировки: «типа Гриневичи-Вельке – Тростиница, Рахны, Грини, среднего слоя Тушемли, Почеп, Картамышево, Терновка, Шапкино. Эти группы сложились на основе миграций из разных локальных вариантов “классической” З. к., при участии др. культурных компонентов. Часть населения З. к. приняла участие в формировании зубрецкой культуры» (Обломский 2016б).

Впрочем, еще существеннее другое. Не повторяя представленные ранее результаты дальнейшего ретроспективного анализа (желающие могут ознакомиться с ними в статье [Романчук 2025б]), ограничимся ключевым выводом. Точнее, двумя.

Именно, во-первых, с помощью ретроспективного анализа, учитывая как историко-археологические, так и языковые данные и исходя только из консенсусных представлений современной науки, начало праславянской языковой общности удастся проследить до рубежа позднего бронзового – раннего железного века. Времени, когда в результате (хорошо фиксируемого археологией) воздействия культурного блока культур полей погребальных урн (КППУ) «тшинецкая культура трансформируется в лужицкую» (Лысенко 2017). А носители части тшинецких групп воспринимают этноним «венеды», и происходит «суперстратное воздействие языка италийского типа на западнобалтийский» (Мартынов 1989: 39)².

Во-вторых, с самого начала существования праславянской этноязыковой общности эта общность не может быть сведена к какому-то одному историко-археологическому локусу (одной археологической культуре). Будь то лужицкая культура либо любая иная.

Праславянская языковая общность с самого начала включала в себя достаточно значительное количество археологических культур, занимавших весьма обширное пространство части Центральной и Восточной Европы (условно – действительно «от Одера до Днепра») и достаточно сильно отличавшихся по своему облику (а отчасти – и по происхождению).

Полагаем, невозможно представить, чтобы за столь значительной совокупностью этнокультурных общностей, очевидно отличающихся археологически и занимающих столь обширное пространство, не стояли и некие диалектные различия. То есть надо полагать, что праславянская языковая общность, действительно, с самого начала представляла собой именно совокупность диалектов (и, возможно, достаточно отличающихся), диалектный континуум – а не «единый праязык». Анализ историко-археологических данных позволяет сегодня говорить об этом уже не как о теоретическом допущении, но как о реальном и убедительно доказуемом факте³.

² Разумеется, синтез «западнобалтского и италийского ингредиентов» тоже был отнюдь не мгновенным процессом и потребовал определенного времени – возможно, даже достаточно значительного.

³ При этом, как было показано в (Романчук 2025б), нельзя согласиться и с точкой зрения («одна из наиболее распространенных версий»), согласно которой «к середине 1-го тыс. до н. э. ... в бассейне Днепра формируется восточнославян-

Вся же последующая эволюция этого диалектного континуума, вплоть до возникновения современных славянских языков, – это процесс весьма сложных и нелинейных взаимодействий составляющих его групп (и, соответственно, их диалектов), «сложных перегруппировок».

ская диалектная область (восточный макродиалект, объединяющий позднейшие собственно восточные и южные диалекты), а в бассейне Вислы с границей по Западному Бугу на востоке и Одре (Одеру) на западе, с выходами к верхнему течению Лабы (Эльбы), а также к Дунаю на юге, – западнославянская диалектная область (западный макродиалект)» (Супрун, Скорвид 2005: 17–18). Эта точка зрения, во-первых, также исходит из модели линейной дивергенции праславянской этноязыковой общности («Внутри восточного макродиалекта выделились две группы диалектов: собственно восточные, или северо-восточные, и южные... Южная группа разделилась на две ветви: будущую болгарско-македонскую и сербохорватско-словенскую ...западного макродиалекта, внутри которого вычленились чешско-словацкая и лехитская подгруппы с переходной серболужицкой областью» [Там же: 18–19]). Во-вторых, пытается и попросту линейно же экстраполировать (исходя из сугубо умозрительных соображений, насколько можно видеть) глубоко в прошлое весьма позднюю (фактически – уже второй половины 1-го тыс. н. э.) картину состояния праславянской этноязыковой общности.

На самом деле уже с момента формирования лужицкой культуры (а не «к середине 1-го тыс. до н. э.» – подчеркнем еще раз) можно говорить о формировании на пространстве «от Одера до Днестра» двух историко-археологических провинций – и, вполне вероятно, двух соответствующих им диалектных областей.

Западная – в историко-археологическом отношении более однородная: где (если говорить в общем и целом) лужицкую культуру сменяет поморская, поморскую – пшеворская. Восточная же – в историко-археологическом отношении существенно более дробная, причем в определенные периоды времени эта дробность усиливается до весьма выраженной (среднескифское время) и даже чрезвычайной (постзарубинецкое время).

Однако ставить знак равенства между этими двумя историко-археологическими провинциями (тем более – на ранней стадии их развития, в 1-м тыс. до н. э.) и позднейшим делением славянских языков на три ветви (и подгруппы внутри этих ветвей) – никак невозможно.

Также существенно, что этноязыковые процессы в течение 1-го тыс. до н. э. – первой половины 1-го тыс. н. э. отнюдь не замыкались в рамках каждой из этих двух провинций. В конце позднего бронзового и начале раннего железного века, в предскифское и раннескифское время, наблюдается очень выраженное (но отнюдь не одностороннее) влияние лужицкой культуры на территории вплоть до Днестра (подробнее см.: Романчук 2025б: 385). Позже – проникновение поморской культуры в Западное Полесье и на Западную Волинь (Гавритухин 2016а). И еще позже – возникновение, в результате импульсов из Центральной Европы, зарубинецкой культуры (Обломский 2016а). Наконец, уже в I в. н. э. на основе синтеза восточных групп пшеворской культуры и части постзарубинецких элементов возникает зубрецкая культура (Гавритухин 2016б).

Соответственно, повторим, возникает вопрос: в какой мере лексикостатистические подходы, исходящие как раз из теоретической модели «распада единого праязыка» в определенный момент времени (даже безотносительно вопроса о линейном «разделении праславянского языка на три ветви»), могут быть применимы для прояснения этой эволюции (и особенно ее хронологии)?

Вместе с тем, следует подчеркнуть, не кажется верным и гиперкритичный подход в отношении возможностей лексикостатистических подходов вообще. Они, несомненно, могут дать очень и очень много.

И в этом отношении представляются весьма заслуживающими внимания те методы лексикостатистического анализа, которые в цикле недавних статей (Козинцев 2020, 2021, 2023а, 2023б) использовал А. Г. Козинцев. И прежде всего использование псевдопространственной модели и минимального остовного дерева – которые подразумевают как раз минимальное использование каких-либо теоретических презумпций относительно взаимоотношений языков, являющихся объектом лексикостатистического анализа.

Как подчеркивает А. Г. Козинцев, «от древесной модели здесь остается только иерархичность: языки группируются в семьи, но это происходит естественным образом, а не в силу особенностей самой модели (как при любых вариантах кластерного анализа, даже самых нетребовательных, вроде неукорененного сетчатого дерева)» (Козинцев 2021: 30).

Далее, реагируя на вопрос М. Н. Саенко при обсуждении доклада (Романчук 2025а), заметим также, что очень интересны, безусловно, и идеи М. Е. Васильева и М. Н. Саенко (2020). Они предлагают ряд приемов, позволяющих в той или иной мере разрешить две ключевые проблемы традиционных лексикостатистических подходов – «неустойчивость структуры дерева даже к минимальным изменениям в составе идиомов, а также наличие в ней фиктивных таксонов и узлов, трудно объяснимых или противоречащих существующим представлениям» (Там же: 320, 322, 341).

Вместе с тем, насколько можно видеть, и подход М. Е. Васильева и М. Н. Саенко все же исходит (по крайней мере – на уровне интерпретации полученных результатов) из той же модели линейной дивергенции праславянского языка (пусть и на отличающиеся от традиционной классификации славянских языков таксоны

[Васильев, Саенко 2020: 342]). А это и есть, как было подчеркнuto, ключевой камень преткновения в данном вопросе⁴.

Дело ведь, собственно, не в том, верно ли выявленное в результате лексикостатистического анализа М. Е. Васильевым и С. М. Саенко выделение «болгаро-македонского и сербохорватско-словенского таксонов» (Там же). Более того – можно полагать, что верно (поскольку соответствует множеству сделанных в славянском языкознании ранее наблюдений). И, в отличие от М. Е. Васильева и М. Н. Саенко, мы полагаем, что нет никаких сомнений в том, чтобы считать «западнославянскую подгруппу (как и южнославянскую)... таксоном с доказанным статусом» (Там же). Западнославянская и южнославянская (равно как и восточнославянская) группы языков – безусловный факт.

Вопрос заключается в том, как эти группы сформировались.

И, как видим (и как было отмечено вначале), историко-археологические и языковые данные позволяют утверждать, что сформировались все три группы славянских языков в результате именно сложной и многоэтапной конвергенции первоначально различающихся позднепраславянских диалектов – а не линейной «дивергенции праславянского языка».

Литература

Васильев, М. Е., Саенко, М. Н. 2020. Анализ топологии и оценка точности лексикостатистических классификаций (на примере славянских языков). *Вопросы языкового родства* 18(4): 320–347.

⁴ Предлагаемый же М. Е. Васильевым и М. Н. Саенко методологический прием, предлагающий рассматривать «статистически неразличимые узлы» как «некий континуум и заменить их одним или несколькими более крупными узлами, после чего рассчитать для них новые значения долей совпадений, а также средние абсолютные отклонения» (Васильев, Саенко 2020: 334), – на мой взгляд, в конечном итоге не отличается принципиально от приема «исключение словенского языка из анализа», использованного А. С. Касьяном и А. В. Дыбо. То, что исследователи предлагают здесь оговорку – «статистическая неразличимость узлов не обязывает нас к их объединению, а только указывает на такую возможность. Поэтому, при наличии дополнительных (содержательных) аргументов в пользу дифференциации, близкие узлы не следует объединять, даже если диапазоны их отклонений взаимно перекрываются» (Там же: 334, прим. 15) – на мой взгляд, только сильнее это подчеркивает.

В конечном итоге оказывается, что именно исследователь, исходя из некоего «предзнания», решает, какие «узлы и таксоны» фиктивны, какие же – нет.

Гавритухин, И. О.

2016а. Поморская культура. URL: <https://old.bigenc.ru/archeology/text/3157589>.

2016б. Зубрецкая культура. URL: <https://old.bigenc.ru/archeology/text/1996735>.

Гавритухин, И. О., Янкович, Дж. 2023. Сербия. История. Территория Сербии до турецкого завоевания. URL: <https://bigenc.ru/c/serbiia-istoriia-territoriia-serbii-do-turetskogo-zavoevaniia-2d7f7b>.

Зализняк, А. А. 2004. *Древненовгородский диалект*. М.: Языки славянской культуры.

Касьян, А. С. 2024. Западнославянские диалектизмы в паннонском славянском: предварительные результаты. *Индоевропейское языкознание и классическая филология* 28 (1): 779–784. DOI: 10.30842/ielcp2306901528048.

Козинцев, А. Г.

2020. О прародине носителей евразийских языков. В: Ширококов, И. Г. (ред.), *В поисках неслучайной изменчивости: сб. ст. в честь 90-летия Г. Л. Хитъ*. СПб.: Нестор-История. С. 142–170.

2021. Азия или Африка? О локализации афразийской прародины. *Этнографическое обозрение* 4: 24–41.

2023а. Дене-кавказская макросемья: лексикостатистическая классификация и прародина. *Этнография* 3: 45–67.

2023б. Окуневская культура и дене-кавказская макросемья. *Археология, этнография и антропология Евразии* 51(2): 66–73.

Кудрявцев, Ю. С. 2000. Древнейшие русско-эстонские языковые контакты. В: *Труды по русской и славянской филологии* III. Тарту: Тартуский университет. С. 65–76.

Лысенко, С. Д. 2017. Тшинецкая культура. URL: <https://old.bigenc.ru/archeology/text/4212346>.

Мартынов, В. В. 1989. Славянский, италийский, балтийский (глотногенез и его верификация). В: Герд, А. С., Лебедев, Г. С. (ред.), *Славяне. Этногенез и этническая история (междисциплинарные исследования)*. Ленинград: ЛГУ. С. 37–44.

Обломский, А. М.

2016а. Зарубинецкая культура. URL: <https://old.bigenc.ru/archeology/text/1988833>.

2016б. Киевская культура. URL: <https://old.bigenc.ru/archeology/text/2062986>.

Романчук, А. А.

2025а. Лексикостатистический подход к датировке распада праславянского языка в свете историко-археологических и лингвистических данных. Доклад для Всероссийского конгресса славистов (16–17 декабря 2025 года, Москва, Институт славяноведения РАН). URL: https://www.academia.edu/145459548/Романчук_А_А_2025_Лексикостатистический_подход_к_датировке_распада_праславянского_языка_в_свете_историко_археологических_и_лингвистических_данных_Доклад_для_конференции_Всероссийский_конгресс_славистов_16_17_декабря_2025_года_Москва_Институт_славяноведения_РАН_.

2025б. Когда славяне стали славянами? Эволюция праславянского коммуникативного пространства в свете междисциплинарного синтеза. *Stratum plus* 5: 375–397. DOI: 10.55086/sp255375397.

Рябцева, С. С., Рабинович, Р. А. 2018. Древности венгерского круга IX–X вв. Пруто-Днестровского региона (предметы торевтики и ювелирные украшения). В: Тюрк, А., Зеленков, А. С. (ред.), *III Международный мадьярский симпозиум. Будапешт, 6–10 июня 2016 г. / 3. Nemzetközi Korai Magyar Történelmi és Régészeti Konferencia. Budapest, 2016, június 6–10.* Budapest: Institute of Archaeology. С. 429–464.

Супрун, А. Е., Скорвид, С. С. 2005. Славянские языки. В: Молдован, А. М., Скорвид, С. С., Кибрик, А. А. (ред.), *Языки мира: Славянские языки.* М.: Academia. С. 12–28.

Щукин, М. Б. 1997. Рождение славян. В: Ткачук, М. Е., Манзура, И. В. (ред.), *Стратум: Структуры и катастрофы.* СПб.: Нестор. С. 110–147.

Kassian, A. 2023. Lexicostatistics. In Greenberg, M., Grenoble, L. (eds.), *Encyclopedia of Slavic Languages and Linguistics Online.* Leiden: Brill. URL: <https://referenceworks.brill.com/display/entries/ESLO/COM-047338.xml>.

Kassian, A., Dybo, A. 2015. S2: Linguistic Data. In Kushniarevich *et al.* 2015.

Kushniarevich, A. Utevska, O., Chuhryaeva, M., Agdzhoyan, A., Dibirova, K. et al. 2015. Genetic Heritage of the Balto-Slavic Speaking Populations: A Synthesis of Autosomal, Mitochondrial and Y-Chromosomal Data. *PLOS ONE* 10/9: 1–19. DOI: 10.1371/journal.pone.0135820.